

УДК 81'23

ББК 81

ЛИНГВИСТИКА СЕГОДНЯ: РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭПИСТЕМЫ

ВОРОБЬЁВА О. П.

Киевский национальный лингвистический университет

В статье рассматриваются парадигмальные изменения эволюционного характера, повлекшие за собой реинтерпретацию современной лингвистической эпистемы в сторону посткогнитивной эклектики и замены модели парадигмального доминирования моделью эпистемной сборки. В качестве ключевого для иллюстрации происходящих изменений использовано понятие напряжения как универсального принципа смыслопорождения в его феноменологическом и методологическом контексте. Особое внимание уделено напряжению как механизму порождения смысла и бессмыслицы в современном англоязычном мультимодальном дискурсе.

Ключевые слова: эпистема, парадигмальные изменения, посткогнитивная эклектика, напряжение, смыслопорождение, смысл и бессмыслица, мультимодальный дискурс.

This paper highlights some paradigm shifts that, being evolutionary by nature, entailed the reinterpretation of current linguistic episteme towards postcognitive eclecticism and the substitution of the paradigm dominance pattern by the jigsaw paradigm pattern. To illustrate the on-going changes the paper focuses on the notion of tension as a universal principle of sense-generation, viewed in its phenomenological and methodological contexts. A greater emphasis is laid on tension as a mechanism of generating sense and nonsense in contemporary English multimodal discourse.

Key words: episteme, paradigm shifts, postcognitive eclecticism, tension, sense-generation, sense and nonsense, multimodal discourse.

*Разрозненные и случайные наблюдения
над языком в выделенном аспекте,
спорадически возникавшие ранее,
сменяются цельной картиной языка,
рассматриваемого в новом измерении
(Г. Г. Почепцов, 1971 [9, с. 96])*

Юбилейные даты и научные форумы, связанные с чествованием памяти ключевых фигур отечественной лингвистики, к которым несомненно принадлежит выдающийся ученый мирового уровня, профессор Георгий Георгиевич Почепцов, не только пробуждают воспоминания об этих знаковых персоналиях, реинкарнируя их образ в ауре житейской и научной мудрости, но и побуждают к неким исследовательским обобщениям, к подведению определенных итогов, в том числе и историографических, к очерчиванию возможных перспектив развития лингвистики в её общенаучном контексте.

Ещё более 30 лет тому назад, в 1981 г., проф. Г. Г. Почепцов назвал одной из отличительных черт современного языкознания “разнонаправленность исследовательских устремлений лингвистов” [9, с. 430], в которой “находит отражение существование значительных различий во взглядах (нередко до пределов несовместимости) на сущность языка, относительную значимость устанавливаемых языковых величин и, в тесной связи с вышеназванным, в понимании задач языкознания” [там же]. С тех пор подобная разнонаправленность не только не нивелировалась, но и приобрела, на наш взгляд, глубинно сущностный характер, меняя очертания отдельных областей и направлений лингвистики, а также её контуры в целом.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы на фоне модификаций основных установок современного языкознания, сформулированных в своё время Е. С. Кубряковой [5, с. 144–238], раскрыть изменения, которым подверглась лингвистическая эпистема в начале третьего тысячелетия, характеризуемого как развитие эпохи “пост-”. Актуальность затронутой проблематики определяется необходимостью осмысления того нового этапа, на котором находится лингвистика вне зависимости от её парадигмальной принадлежности, и прогнозирования дальнейших путей её эпистемологического движения. Отсюда и основные задачи статьи: 1) очертить основные векторы модификаций базовых установок современного языкознания в XXI ст.; 2) выявить ключевые направления реинтерпретации лингвистической эпистемы на современном этапе в плане её содержательного наполнения и моделирования; 3) уточнить роль понятия напряжения как общего и существенного признака в структуре языка и текста в его феноменологическом и методологическом контексте, релевантном для современной лингвистики; 4) установить роль напряжения в порождении смысла и бессмыслицы в современном англоязычном мультимодальном дискурсе.

Е. С. Кубрякова, размышляя об эволюции языковедческой мысли во второй половине минувшего столетия [5, с. 144–238], вывела перечень основных установок современной лингвистики как её отличительных черт. Напомним, что в этот список входят четыре принципиально важные позиции, характерные для языкознания конца XX ст.: экспансионизм, антропоцентризм, (нео)функционализм и экспланаторность [там же, с. 207]. Кратко, содержание этих установок можно изложить таким образом. **Экспансионизм** предполагает: 1) расширение и углубление объекта исследования, приобретающего тем самым все более изменчивые контуры; 2) поиск новых подходов к его рассмотрению, нередко за счет размывания границ между отдельными областями науки, и 3) акцент на междисциплинарности научных исследований [там же, с. 208–209], совокупно порождающие эффект своего рода расширяющейся вселенной [там же, с. 209]. **Антропоцентризм** предстает в двух своих исследовательских ракурсах: 1) эпистемологическом, при котором человек трактуется как точка отсчета, незадействованная в исследовании, но определяющая его направление, специфику избранного ракурса и конечные цели [там же, с. 212], и 2) онтологическом, отражающем жизненно важное присутствие человека как формирующего фактора в языке, тексте, дискурсе [там же, с. 214]. **(Нео)функционализм** касается, прежде всего, инструментальной роли языка и речевых образований в познании и общении [там же, с. 217], а также их деятельностного характера [там же, с. 218]. Последнее (чему, соответственно, и отвечает префикс нео-) очерчивает образ “языка в действии”, где царят не только возможности, но и ограничения, как коммуникативные, так и когнитивные. И наконец, **экспланаторность**, т. е. объяснительность научного анализа вместо констатации и наряду с описанием эмпирических данных [там же, с. 221–222], выходящая на лингвистическую арену как фактор, предполагающий выдвижение гипотез о глубинных структурах и механизмах языкотворчества, текстообразования и формирования дискурса, опирающихся на системное взаимопроникновение наук, на первый взгляд, будто бы далеких друг от друга. Характеризуя состояние дел на рубеже тысячелетий в самом общем плане, Е. С. Кубрякова акцентировала перспективу существенного расширения горизонтов лингвистических исследований [там же, с. 230], опираясь на вывод о преобладании в языковедческих студиях интегративных тенденций, определяющих полипарадигмальный статус современной лингвистики [там же, с. 227–228].

Возвращаясь к сегодняшнему состоянию дел, отметим, что все из названных методологических установок остаются для лингвистики начала XXI ст. вполне актуальными, при этом они подвергаются очевидному углублению и дифференциации как на уровне самих установок, так и в своем наполнении. Это соответствует мысли проф. Г. Г. Почепцова о том, что новое в лингвистической науке не является необходимо отрицанием старого [9, с. 96]. Если обозначить вектор модификаций ключевых парадигмальных черт современной лингвистики

соответствующими префиксами, то есть основания говорить о панэкспансионизме, анти- и неоантропоцентризме, неофункционализме и неоэкспланаторности как движущих силах развития современных лингвистических студий [2, с. 47–48].

Панэкспансионизм проявляется, на наш взгляд, в двух измерениях. С одной стороны, это углубление междисциплинарного характера лингвистических поисков, которое может либо усиливать их эвристичность, либо служить причиной симулякризиса полученных результатов. С другой стороны, панэкспансионизм способствует историзации взгляда на язык, текст, дискурс благодаря осознанию различий в восприятии и осмыслении действительности человеком на разных исторических срезах. В этом смысле интересную попытку виртуального перемещения во времени и пространстве с целью погружения в некую отдаленную во времени культурную среду экзemplицирует книга Ю. Н. Караулова [4], где современный текст будто бы интерпретируется читателем первой трети XIX ст. с опорой на “Словарь языка А. С. Пушкина”.

Антропоцентризм, оставаясь магистральным, приобретает два новых измерения, выступая как 1) **антиантропоцентризм**, отражающийся в экологизации не только лингвистических исследований [13; 16], но и языковой и текстовой онтологии [14], и 2) **неоантропоцентризм**. Этот последний проявляется, с одной стороны, в технологизации эмпирического материала (к примеру, в корпусной лингвистике [20] и нейронауках [17]) и методик исследования (например, в применении не одиночных процедур анализа, а их совокупностей, а также совмещении традиционных и наисовременнейших техник интерпретации), а с другой, – в перенесении исследовательского акцента на энергетические аспекты языка [6, с. 26–40], текста [1, с. 72–86], дискурса, языковой личности, в частности в вербальном и художественном воплощении таких явлений, как харизма [8], эмоциональный резонанс [1, с. 72–86], измененные состояния сознания [10, с. 59–64].

Если в рамках **неофункционализма** повсеместно доминирует деятельностный подход [7, с. 20–21], **неоэкспланаторность** углубляется в двух основных направлениях: 1) прикладном, для которого характерной является радикальная дидактизация лингвистического и, шире, филологического образования (в частности, возникновение таких дисциплин, как педагогическая грамматика [12], педагогическая стилистика [22] и т. п., включающих весомый когнитологический компонент) с целью развития критического мышления и поиска ментальных универсалий, стоящих за привычными языковыми и речевыми явлениями, а также 2) теоретико-эвристическом, где наблюдается постепенное преобразование лингвистических и лингвопсихологических загадок и тайн (таких как языковое чутьё, творчество, озарение [19], интуиция и под.) в научные проблемы, которые поддаются разрешению, по Н. Хомскому [15].

Таким образом, траектория движения современной лингвистики вполне вписывается в тенденции, характерные для конца прошлого столетия, но их содержательное наполнение выглядит не до конца прогнозируемым, оставляя пространство для неожиданных и поэтому тем более захватывающих исследовательских поворотов.

Один из таких поворотов связан с заявленной в названии статьи реинтерпретацией современной лингвистической эпистемы, которая подвергается изменениям как в плане фоновых факторов, определяющих её очертания, так и в плане структурирования самой эпистемы. Известно, что факторы влияния на возникновение и формирование лингвистической эпистемы синхронизированы с общенаучными парадигмальными изменениями. На протяжении прошлого столетия эти факторы проявляли изменчивость, смещаясь в своих истоках от естественных наук (теоретическая и экспериментальная физика: теория атомного ядра → структурализм, квантовая механика → функционализм; нейробиология и когнитивная психология → когнитивная лингвистика) до философско-мировоззренческих (философия постмодернизма → посткогнитивная мозаичность). Структурирование современной эпистемы, по крайней мере, в её лингвистических проявлениях, происходит, на наш взгляд, в двух плоскостях: 1) онтологической, выражающейся в переходе от следствий когнитивного поворота середины XX в., предполагавшего

системность когнитивных гипотез относительно корреляции языковых и ментальных структур, к посткогнитивной эклектике, которая в эпоху “пост-” превращается из маргинального явления в своеобразный стиль мышления и осмысления мира, и 2) эпистемологической, где наблюдается замена модели абсолютного или относительного парадигмального доминирования (как, например, структурализм в первой половине XX в.), сменившейся моделью парадигмального диалога, в частности, в рамках функционально-коммуникативной или когнитивно-дискурсивной парадигм во второй половине прошлого столетия, моделью эпистемной сборки (англ. the jigsaw paradigm pattern). Последняя предполагает возможность свободного комбинирования взаимодополняющих друг друга гипотез и методик, заимствованных из разных парадигм или разных направлений одной парадигмы, как основы для выстраивания качественно нового порядка из имеющегося разнообразия.

Модель эпистемной сборки опирается не столько на радикальную смену ключевой гипотезы, сколько на выбор некоего генерализирующего ракурса, который может варьироваться в зависимости от исследовательских акцентов или необходимости решения конкретных научных задач. Тут снова целесообразно обратиться к мысли Г. Г. Почепцова о том, что “одна из особенностей развития современной лингвистической науки заключается в том, что новое в этой области знания не является необходимым отрицанием старого” [9, с. 96].

Формирование сквозного феноменологического и / или методологического ракурса как стержня той или иной модели эпистемной сборки вписывается в два варианта поступательного движения лингвистической науки, которые были выделены Г. Г. Почепцовым ещё в 1971 г. С одной стороны, новое в лингвистике “может быть связано с генерализацией в описании определенного свойства структуры языка, известного в общем и ранее, но рассматриваемого как частный признак структуры”, когда “этому свойству придается в описании главенствующее значение” [там же]. С другой стороны, может работать стремление “дать систематическое объяснение тем “остаткам”, которые не могли быть удовлетворительно интерпретированы в понятиях старой системы, [...] включить такие “остатки” в качестве ординарного материала в некоторую новую систему” [там же].

Одним из таких сквозных понятий, активно исследуемых в лингвистике в феноменологическом и методологическом контексте, выступает понятие напряжения, которое проявляется в языке и тексте в нескольких ипостасях: 1) как общий принцип структурирования и функционирования языка [18]; 2) как сущностная характеристика образности [11, с. 82]; 3) как один из приемов построения сюжета и развертывания нарратива (suspense) [21]; 4) как составляющая механизма эмоционального резонанса [1, с. 72–86]; и 5) как коммуникативный принцип смыслопорождения, будь-то собственно смысл или бессмыслица.

Именно последнему из названных дискурсивных проявлений принципа напряжения посвящена заключительная часть этой статьи. В качестве исходной нами была сформулирована гипотеза о том, что возникновение семантического или структурного напряжения внутри текста или дискурса является обязательным условием порождения смысла/смыслов разной степени неоднозначности, зависящей от особенностей самого текста или дискурса, их жанровой или стилевой принадлежности. Бессмыслица же, напротив, порождается тогда, когда: 1) в тексте или дискурсе возникает сверхнапряжение, или гипертензия, либо 2) текст или дискурс строится так, что необходимое для смыслопорождения напряжение не может или не успевает сформироваться, что приводит к возникновению текстовой или дискурсивной гипотензии.

Анализ разножанровых, в том числе и мультимодальных, дискурсов, позволяет сделать предварительный вывод о том, что порождение смыслов может быть результатом напряжения, возникающего между:

1) возможными мирами в рамках текстового универсума, когда хотя бы один из них воспринимается как аномальный или необычный, как, например, в коротком рассказе американского писателя Роберта Кувера “A Sudden Story” (Внезапная история) [28, p. vii],

где в пародийной манере, путем обыгрывания ключевого слова “внезапно” (suddenly), представлено столкновение мира псевдосказочного героя, с большой неохотой отправившегося на подвиг (*he'd been trekking for years through enchanted forests, endless deserts, cities carbonized by dragon-breath, for him suddenly was not the word*), и туповатого дракона, постоянно что-то (или кого-то) жующего (*For the dragon, however, who was stupid, everything was sudden. He was suddenly hungry and then he was suddenly eating something*) и в конце концов, вероятно, съедающего и самого героя (*chewing over meanwhile the sudden familiar suddenness ... on his breath*). Учитывая палимпсестность анализируемого текста, его псевдосказочность, пародийность и философскую подоплеку, можно говорить о множественности порождаемых им смыслов, среди которых “настоящая свобода – это неосознание своей свободы” и “лучше быть глупым, но живым, нежели умным, но мертвым”;

2) сюжетными фрагментами, связанными общей тематической линией, выстроенной по принципу саспенса, примером чего может служить рекламный ролик (трейлер) к фильму “Шоколад” (Chocolat) [27], объединяющий те его эпизоды, которые касаются неудачной попытки преодоления героем-антагонистом соблазна шоколадом, в последовательность “Торг (Bargaining) → Гнев (Anger) → Капитуляция (Surrender) → Отвращение к себе (Self-Loathing) → Пищевая кома (Food Coma) → Смятение (Embarrassment)” с финально эксплицируемым смыслом “Ешьте ответственно” (*Eat responsibly*);

3) текстом и его неожиданной развязкой, по принципу эффекта обманутого ожидания, как например, в рекламном ролике анти-макдональдского содержания [25], где в руке пациента на каталке, над которым склонилась рыдающая женщина, оказывается надкушенный гамбургер, а очертания голых ступней напоминают лого ресторанов “Макдональдс”. Ролик завершают голос за кадром (*High cholesterol. High blood pressure. Heart attacks*) и финальный озвученный и визуализированный призыв “Пусть сегодня еда будет вегетарианской” (*Today, Make It Vegetarian*).

Порождение бессмыслицы как результата сверхнапряжения, вызывающего эмоциональный шок, предполагает наличие в тексте или дискурсе хотя бы одного не просто аномального, а аномального, эпатирующего явления, как-то, например:

1) конфликт возможных миров персонажей-супругов в коротком рассказе Рассела Едсона “Dinner Time” (Обеденное время) [28, р. 115–116], где по нарастающей выстраивается абсурдная сюжетная линия, в центре которой старик, раздраженно ожидающий обеда, с которым запаздывает его супруга, постоянно обжигая пальцы горячей кухонной посудой и роняющей еду на пол (*He heard his wife drop the entire dinner on the kitchen floor with a curse. For as she was carrying it in it burnt her thumb*), и в конце концов съедающий от голода и гнева сначала свою руку (*The old man finally ate one of his hands*), затем ложку (*The old man swallowed a spoon*) и наконец самого себя (*The old man, growing angry, swallowed himself*), заслужив при этом саркастическую реплику жены: “Ну, вот, наконец-то” (*Okay, said the woman, now you've done it*); или

2) шокирующее звучание музыки группы Disgorge [26], исполняемой в стиле брутального дет-метала (англ. deathmetal) [24] и грайндкора [23], или грайнда, как экстремального направления рок-музыки, строящейся на какофонии звуков, напоминающих отрывку или рвоту. Этот эффект возникает “из-за звука, построенного на атональных риффах, “размалывающее” (англ. grind “молоть”), “со скрежетом” переходящих из одного в другой” [23].

Порождение бессмыслицы как результата нехватки напряжения, провоцирующей читательскую дезориентацию, нередко прослеживается как в бессюжетной постмодернистской прозе, так и в поэзии абсурда. Примером может служить короткий рассказ Рона Карлсона “Reading the Paper” (Читая газету) [28, р. 167] из уже цитируемой антологии американских коротких рассказов “A Sudden Fiction” [28], где воспроизводится сумятица в голове героини, которая никак не может допить утренний кофе и дочитать газету (*All I want is to read the paper*), потому что ей все время что-то мешает: то разбрызганная всюду кровь после недавней аварии,

где погибли все члены семьи, кроме самой героини (*There's blood all over everything*); то сложности в том, чтобы её отстирать (*and this blood is not easy to get out*); то похищение сына прямо у неё на глазах (*Somebody's dragging him our into late model Datsun*); то появление у черного хода парня, о котором писалось во вчерашней газете и который пришел немножко понасиловать и порезать хозяйку, что он успешно и совершает (*It's that guy in the paper who escaped from the prison yesterday. He wants to know if he can come in and rape me and cut me a little bit. Well, later he does that*); то брат с лицом, посиневшим в результате прошлогоднего отравления, и со светящимся выпученным глазом (*Douglas looks more blue this morning than a week ago. ... His left eye is a little worse, budging more and glowing more often these days*). Вся эта словесная какофония завершается нелепой фразой героини о том, что сколь долго она б не размешивала сухие сливки, добавленные в кофе, часть их все время плавают на поверхности (*You know, as much as I stir the Cremora, there's always a little left floating on the top*). В данном случае речь может идти о воссоздании эффекта “загрязнения мозгов” как следствия бездумного погружения в виртуальную реальность средств массовой информации, жертвой которых пала героиня рассказа.

Таким образом, не претендуя на всеохватность высказанных обобщений относительно трансформаций, которым подвергается современная лингвистическая эпистема в период посткогнитивизма, позволим себе предположить, что возвращение к доминированию в научной среде некоей ключевой парадигмы знаний в обозримом будущем вряд ли представляется возможным. Парадигмальная мозаичность, граничащая с эклектизмом, дает импульс для поиска новых, нестандартных путей решения лингвистических и, шире, междисциплинарных проблем с использованием исследовательских стратегий, вписывающихся в эпистемическое поле “интеллектуального айкидо” [3] как умения мыслить неординарно и творчески.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробйова О. П. Ідея резонансу в лінгвістичних дослідженнях / О. П. Воробйова // Мова. Людина. Світ : До 70-річчя проф. М. П. Кочергана : [зб. наук. статей] / [відп. ред. О. О. Тараненко]. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2006. – С. 72–86.
2. Воробйова О. П. Лінгвістика 2012 : шляхи, які ми обираємо / О. П. Воробйова // Тези Міжнародної науково-практичної конференції “Україна і світ : діалог мов та культур” (КНЛУ, 21–23 березня 2012 р.). – К. : Вид. центр КНЛУ, 2012. – С. 47–48.
3. Интеллектуальное айкидо. Приёмы решения проблем / [А. Л. Камин, В. И. Ильченко, Д. А. Камин, В. П. Шулико]. – Луганськ : Світлиця, 2009. – 249 с.
4. Караулов Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности : [монография] / Юрий Николаевич Караулов. – 2-е изд. – М. : КомКнига, 2006. – 168 с.
5. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века : [сб. статей] / [под ред. акад. Ю. С. Степанова]. – М. : Изд-во РГГУ, 1995. – С. 144–238.
6. Манакин В. М. Мова і загальна симетрія універсуму / В. М. Манакин // Мовознавство : [наук.-теорет. журн. Ін-ту мовознав. ім. О. О. Потебні та Укр. мов.-інформ. фонду НАН України]. – К. : Академперіодика НАН України, 2011. – № 3. – С. 26–40.
7. Мартинюк А. П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики / Алла Петрівна Мартинюк. – Харків : Вид-во ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2011. – 196 с.
8. Петлюченко Н. В. Харизматика : мовна особистість і дискурс : [монографія] / Наталія Володимирівна Петлюченко. – Одеса : Астропринт, 2009. – 464 с.
9. Почепцов Г. Г. Избранные труды по лингвистике : [монография] / Георгий Георгиевич Почепцов / [сост., общ. ред. и вступ. статья И. С. Шевченко]. – Харьков : Изд-во ХНУ им. В. Н. Каразина, 2009. – 556 с.

10. Присяжнюк Л. Ф. Змінені стани свідомості : лінгвістичний вимір / Л. Ф. Присяжнюк // Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО КНЛУ. Серія Філологія. Педагогіка. Психологія / [гол. ред. Г. І. Артемчук]. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2011. – Вип. 22. – С. 59–64.
11. Уилрайт Ф. Метафора и реальность / Ф. Уилрайт // Теория метафоры : [сборник] ; [пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.] / [вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 82–108.
12. Черноватий Л. М. Основи теорії педагогічної граматики іноземної мови : автореф. дис. ... докт. пед. наук : спец. 13.00.02 “Теорія і методика навчання : германські мови” / Л. М. Черноватий. – К., 1999. – 30 с.
13. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве : [коллективная монография] / [науч. ред. проф. В. И. Шаховский; отв. ред. проф. Н. Н. Панченко, редкол.: Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина]. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ “Перемена”, 2013. – 450 с.
14. Bernstein E. The Splendor of Creation : A Biblical Ecology / Ellen Bernstein. – Cleveland, OH : The Pilgrim Press, 2005. – 145 p.
15. Chomsky N. Language and Thought / Noam Chomsky. – Wakefield, Rhode Island, and London : Moyer Bell, 1993. – 96 p.
16. EConstructing Language, Nature and Society : The Ecolinguistic Project Revisited : Essays in Honour of Alwin Fill / [eds B. Kettemann, H. Penz]. – Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2000. – 442 p.
17. Feldman A. J. From Molecule to Metaphor : A Neural Theory of Language / Jerome A. Feldman. – Cambridge, Mass; London, England : A Bradford Book, The MIT Press, 2006. – 357 p.
18. Fill A. Das Prinzip Spannung. Sprachwissenschaftliche Betrachtungen zu einem universalen Phänomen / Alwin Fill. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2003. – 206 S.
19. Lehrer J. Imagine : How Creativity Works / Jonah Lehrer. – Edinburgh, London : Cannongate, 2012. – 279 p.
20. Mahlberg M. English General Nouns : A Corpus Theoretical Approach / Michaela Mahlberg. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins, 2005. – 206 p.
21. Suspense : Conceptualizations, Theoretical Analyses, and Empirical Explorations / [eds P. Vorderer, H. J. Wulff, M. Friedrichsen]. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 1996. – 361 p.
22. Pedagogical Stylistics : Current Trends in Language, Literature and ELT / [eds M. Burke, S. Csábi, L. Week, J. Zerkowitz]. – London, N. Y. : Continuum, 2012. – 219 p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

23. Грайндкор [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://ru.wikipedia.org/wiki ...](http://ru.wikipedia.org/wiki...)
24. Дэтграйнд [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://ru.wikipedia.org/wiki ...](http://ru.wikipedia.org/wiki...)
25. Определили худшую рекламу 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://delfi.ua>
26. Disgorge [Online]. – Access mode : http://ru.wikipedia.org/wiki/Disgorge_
27. A Scene from “Chocolat”: The Five Stages of Binge Eating [Online]. – Access mode : <http://youtube.com>
28. Sudden Fiction : American Short-Short Stories / [eds R. Shapard, J. Thomas]. – Salt Lake City : Peregrine Smith Books, 1986. – 264 p.

Дата надходження до редакції 12.12.13